

Французская писательница Анни Эрно родилась в маленьком нормандском городке Лилльбон, недалеко от Гавра, и провела юность в другом городке Нормандии — Ивето. После получения высшего филологического образования и ученой степени преподавала современную литературу в лицеях городов Аннеси, Понтуаз и в Национальном центре дистанционного обучения. Живет недалеко от Парижа, в городе Сержи департамента Валь-д-Уаз (регион Иль-де-Франс).

У нас есть лишь история нашей жизни, да и та — не наша.

Хосе Ортега-и-Гассет

— Да. Забудут. Такова уж судьба наша, ничего не поделаешь. То, что кажется нам серьезным, значительным, очень важным, — придет время — будет забыто или будет казаться неважным. (...) И может статься, что наша теперешняя жизнь, с которой мы так миримся, будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть может, даже грешной...

Антон Чехов

Исчезнут все образы, кадры, картинки:

женщина, которая писала на виду у всех, присев на корточки за сараем, приспособленным под кафе, на краю послевоенных руин, в Ивето, а потом вставала, подтягивала трусы, одергивала юбку и возвращалась в кафе

залитое слезами лицо Алиды Валли, которая танцует с Жоржем Вильсоном в фильме «Такая долгая разлука»

мужчина на тротуаре в Падуе летом 90-го года — при виде его скрюченных рук, загнутых к плечам, сразу вспоминался талидомид — тридцатью годами раньше его прописывали беременным от приступов тошноты — и тут же откуда-то вылезал соответствующий анекдот: «Будущая мать вяжет младенцу кофточку и периодически заглатывает талидомид: ряд — таблетка, ряд — таблетка. Подруга в ужасе говорит ей: «Ты что, ребенок родится без ручек!» — «Ничего, — отвечает мамочка, — рукава-то у меня как раз и не получаются»

Клод Пьеплю, ведущий за собой полк легионеров, держа в одной руке знамя, а в другой — веревку с привязанной козой в одной из комедий группы «Шарло»¹

строгая дама с альцгеймером, одетая в пестрый халат, как все пациентки дома престарелых, только с синей шалью на плечах, без усталости вышагивающая по коридорам, неприступная, как герцогиня Германтская² на прогулке в Булонскому лесу, — и вспомнившаяся по ассоциации Селеста Альбаре, служанка Пруста, увиденная как-то в вечерней передаче Бернара Пиво³

женщина на сцене летнего театра, заключенная в ящик, который мужчины протыкали серебряными шпагами, и под конец выскакивающая оттуда живой и невредимой: аттракцион под названием «Муки женщины»

¹ Клод Пьеплю — французский комический актер. «Шарло» — известная вокальная и комическая группа 1970—1980-х годов, снявшаяся в полутора десятках популярных комедий.

² Герцогиня Германтская — один из центральных персонажей романа М. Пруста «В поисках утраченного времени».

³ Бернар Пиво — известный литературный критик, телеведущий, автор культовых литературных передач-долгожителей «Апострофы» и «Культурная среда».

мумии в истлевших кружевах, стоящие вдоль стен монастыря капуцинок в Палермо

лицо Симоны Синьоре с афиши фильма «Тереза Ракен»

детский ботиночек, который крутился в витрине обувного магазина *André* в Руане, на улице Гро-Орлож, и плывущая по кругу надпись: «Очень далеко пойдет тот, кто носит «Бэбибот»

неизвестный мужчина на римском вокзале Термини, который приспустил штору в купе первого класса и видимый только ниже пояса, в профиль, мастурбировал на виду у юных пассажирок из соседнего состава

человек из рекламы посудомоечного средства, которую крутили перед сеансами в кино: вместо того чтобы мыть грязные тарелки, он энергично разбивал их об пол. Строгий голос за кадром комментировал: «Нет! Это не решение проблемы!» — и человек с отчаянием смотрел в зрительный зал: «Но в чем же тогда решение?»

пляж в Ареньес-де-Мар с идущей вдоль него железной дорогой, постоялец отеля, похожий на актера Заппи Макса

гордо поднятый в воздух новорожденный младенец, красный, словно освежеванный кролик, в родильном зале кодеранской клиники имени

Пастера, и он же полчаса спустя спит в кроватке, лежа на боку, до плеч укутанный одеялом, выложив одну ручку вверх

развинченная походка актера Филиппа Лемэра, мужа Жюльет Греко¹

телевизионная реклама, где отец семейства, прикрывшись газетой, безуспешно пытается поймать губами драже *Picorette*, подражая своей дочке

дом с навесом из дикого винограда, где в шестидесятые годы располагалась гостиница, — номер 90А по набережной Дзаттере в Венеции

сотни застывших неподвижно человеческих лиц — на снимках, сделанных перед их отправкой в лагерь, — выставка во Дворце Токио, в Париже, в середине восьмидесятых годов

уличный туалет за домом в Лильбоне, нависший над рекой, — падающие в воду и медленно уплывающие вниз по течению фекалии и бумага

все расплывчатые картинки первых лет жизни с яркими вспышками какого-нибудь летнего вос-

¹ Известнейшая французская певица, актриса, шансонье, одна из «королев Сен-Жермена» в 1950—1970-х гг.

кресенья, образы снов, в которых умершие родители живы и бесконечная дорога уходит вдаль

Скарлетт О'Хара, которая тащит по лестнице убитого солдата-янки — и мечется по улицам Атланты в поисках врача для Мелани, у которой начались роды

Молли Блум, лежащая рядом с мужем и вспоминающая парня, который поцеловал ее в первый раз, и говорящая да да да

Элизабет Драммонд, убитая вместе с родителями в 1952 году возле дороги в Люре¹

образы реальные или воображаемые — те, что вспоминаются и возвращаются даже во сне

связанные с каким-то конкретным мгновением прошлого, окутанные особым, только ему присутствующим светом.

Они исчезнут все, разом, как исчезли миллионы образов, что хранились в головах у бабушек и дедушек, умерших полвека назад, и у родителей, умерших вслед за ними. Там среди множества других людей, ушедших еще до нашего рождения, были мы — мальчики или девочки, точно так же, как в нашей памяти

¹ Загадочное, так и не раскрытое преступление.

сосуществуют наши дети, какими они были в младенчестве, и наши родители или одноклассники. И когда-нибудь мы сами будем соседствовать в памяти наших детей — с внуками и с теми, кто еще не родился. Память неотступна, как влечение. Она компонует и перетасовывает — мертвых и живых, реальных людей и выдуманных, историю — с домыслом.

Вдруг исчезнут тысячи слов, что когда-то обозначали различные предметы, людские лица, поступки и чувства, выстраивали мир, будоражили душу, смущали и возбуждали плоть

лозунги, надписи на стенах домов и в кабинках туалетов, высокая поэзия и похабные анекдоты, названия книг

«анамнез», «эпигон», «ноэма», «теоретический» — термины, которые выписывали в тетрадку вместе со значением, чтобы не лазать в словарь каждый раз, когда их встречаешь

обороты, которые запросто употребляли другие — и, казалось, вряд ли когда-нибудь удастся освоить самому: «несомненно», «приходится констатировать»

гадости, которые хочется скорее забыть, но от стараний выбросить их из головы все крепче закрепляющиеся в памяти: «сука драная»

слова, которые мужчины говорят ночью в постели: «я — твой», «делай со мной все, что хочешь»

жить — это пить себя, не ощущая жажды

что вы делали 11 сентября 2001 года?

слова из воскресной мессы — *in illo tempore*¹

выражения, давно утратившие контекст и вдруг услышанные вновь, которым радуешься, как чудом сохранившейся вещи, внезапно обретенной потере: «смутьян», «устроить бузу», «умереть не встать!», «косорукая!»

слова, прочно связанные с каким-то человеком или местом, как девиз, — на одном участке руанского шоссе кто-то в машине сказал фразу, и теперь, стоит там оказаться, эти слова выскакивают, возникают в уме, как потайные фонтанчики в Петергофе, которые выстреливают водой, как только на них наступишь

примеры из учебников по грамматике, цитаты, ругательства, песни, мудрые изречения, которые в юности мы выписываем в тетрадки

наш аббат Трюбле все строчит себе

¹ Во время оно (*лат.*).